

ГЛАВА VII.

Мѣстечко Атаки. Молдаване. Ихъ языкъ. Нравы и обычаи. Танцы. Миротлюбіе. Опрятность. Быть крестьянъ. Монастырскіе царане. Разговоръ съ нарнемъ. Школы. Понятіе объ этомъ нѣкоторыхъ. Поѣздка въ монастырь.

Мѣстечко Атаки, лежащее на правомъ берегу Днѣстра, противъ Могилева, принадлежитъ князю Кантакузену и составляетъ тоже нѣчто вродѣ городка, заключаая въ себѣ и базаръ, и лавки, и множество еврейскихъ семействъ, которыя заводятъ торговлю вездѣ, гдѣ бы ни поселила ихъ судьба, и какъ-то снова приноравливаются къ мѣстнымъ потребностямъ. Надъ Атаками господствуетъ высокій нагорный берегъ, но близъ большой дороги, ведущей изъ Сорокъ, насыпана еще огромная батарея, которая, не знаю почему, показалась мнѣ древнею, и я уже готовился собрать о ней подробныя свѣдѣнія. Но меня очень скоро разувѣрили, сказавъ, что батарею эту тяжкими трудами насыпали во время крымской войны и не додѣлали — потому ли, что измѣнились стратегическіе планы или потому, что нашли ее совершенно неумѣстною. Еслибы австрійцы изъ угрожающаго положенія перешли въ наступательное и двинулись въ Бессарабію, то, во первыхъ, батарея на этой высотѣ не могла бы держаться долго и, во вторыхъ, послужила бы непріятелю. А, говорятъ, сколько она стоила и трудовъ, и усилій, и убытка для мѣстныхъ жителей, которые должны были взбираться на огромную высоту и носить на себѣ различныя матеріалы, не говоря уже о томъ, что не имѣли возможности заниматься своимъ хозяйствомъ.

Здѣсь я въ первый разъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ молдаванскимъ населеніемъ и не въ первый разъ испыталъ неудобство незнанія туземнаго языка, что не только наводитъ скуку на путешественника, изучающаго мѣстные нравы и обычаи, но уничтожаетъ его задачу. Признаюсь откровенно, до посѣщенія Бессарабіи я не зналъ, что мѣстные жители,

за исключеніемъ сѣвернаго уголка, наполненнаго руснаками, состоятъ изъ молдаванъ, которые рѣшительно не знаютъ по русски, и положеніе мое оказалось весьма незавиднымъ. Въ Хотинѣ, впрочемъ, я запасся молдавской грамматикой и словарикомъ, началъ дѣятельно учиться и долбить слова и фразы, но при столкновеніи съ живымъ языкомъ увидѣлъ все неудобство языка литературнаго и во-время избавилъ себя отъ напраснаго долбленія. Мнѣ изъяснили, что бессарабскіе молдаване говорятъ не по книжному, что современные румыны выбрасываютъ многія славянскія слова и сочиняютъ новыя или вводятъ латинскія, такъ что статью напечатанную, положимъ, въ »Дунайской звѣздѣ«, не пойметъ житель Бессарабіи, если онъ не образованъ. Вслѣдствіе этого я сталъ записывать мѣстные фразы, взялъ переводчика и пустился изучать мѣстный языкъ самымъ простымъ способомъ. Но я не буду утомлять читателя филологическими отступленіями и, корча изъ себя лингвиста, трактовать о неинтересныхъ спряженіяхъ и склоненіяхъ. Скажу только, что молдавскій языкъ показался мнѣ испорченнымъ латинскимъ, похожимъ на италіанскій, въ которомъ однако же (по крайней мѣрѣ въ Бессарабіи) много славянскихъ изреченій; близость италіанскаго замѣтитъ каждый, на примѣръ, хотъ въ слѣдующихъ словахъ, приводимыхъ на удачу: *тыне* хлѣбъ, *луминари* свѣча, *фокъ* огонь, *ана* вода, *вакка* корова, *лапте* молоко, *карне* мясо, *вале* долина, *каса* домъ, *лунга* длинный, *альба* бѣлый, *унде* гдѣ, *фынтынъ* колодезь, *кампо* поле, *фратре* братъ, *бунъ* хорошій и т. д. Поэтому легко заключить, что, при небольшомъ знаніи латинскаго или италіанскаго языковъ и обладая порядочнымъ запасомъ терпѣнія и доброй воли, по молдавски выучиться нетрудно. Живой примѣръ—наши солдаты, которые, проживъ годъ въ Бессарабіи, свободно разговариваютъ съ туземцами.

Разумѣется, проживъ нѣсколько дней въ Атакахъ, я не могъ замѣтить ничего, но какъ мнѣ приходилось не разъ проѣхать по всему протяженію Днѣстра, то я считаю нелишнимъ представить хотъ въ краткомъ видѣ общій обзоръ молдавскаго племени.

Молдаване, понимается, живущіе въ Бессарабіи, особенно мужчины, по наружности ничѣмъ не отличаются отъ малоруссовъ и даже сохраняютъ медленную и вялую походку, свойственную послѣднимъ, обстоятельство это, я полагаю, въ обоихъ племенахъ отъ того, что какъ то, такъ и другое съ

малолѣтства отбываютъ свои полевые работы съ помощью воловъ, которые, какъ извѣстно, отличаются медленностью движеній. Молдаванинъ вообще сухощавъ и черноволосъ, и черты его дышутъ простотой, такъ что трудно предположить въ немъ запасную мысль — и дѣйствительно онъ болѣе чистосердеченъ. На знакомство онъ довольно медленъ, но, если прожилъ съ вами нѣкоторое время или разговаривалъ нѣсколько разъ, онъ уже перестаетъ дичиться и становится откровененъ. Но на господскихъ крестьянахъ, такъ называемыхъ царанахъ, лежитъ отпечатокъ какой-то забитости, между тѣмъ какъ государственный крестьянинъ имѣетъ видъ гораздо благороднѣе, если можно такъ выразиться. Объ этомъ, впрочемъ, я уже имѣлъ случай говорить въ предыдущихъ главахъ моего путешествія.

Въ домашней жизни молдаванинъ замѣтно не такой деспотъ, какихъ вообще встрѣчаемъ между нашими простолюдинами, и женщина пользуется значительною степенью свободы. Можетъ быть мнѣ не случилось встрѣтить грубости въ обращеніи прекраснаго пола съ прекраснымъ, но, подмѣтивъ какую-то мягкость въ семейныхъ отношеніяхъ, я нарочно искалъ случая убѣдиться въ противномъ и не находилъ его, проживая по разнымъ селеніямъ приднѣстровья. Только развѣ въ пьяномъ видѣ молдаванинъ побурлитъ немного, да и то вспышка эта ограничится энергическими ругательствами, которыя, впрочемъ, ничего не доказываютъ, потому что молдаване, какъ и руснаки, ругаются на каждомъ шагу и столько имѣютъ бранныхъ фразъ, какъ ни одно племя въ мірѣ. Въ самомъ спокойномъ расположеніи духа молдаванинъ обругаетъ все, что ни попадетъ — отъ соломинки, лежащей на дорогѣ, до самаго дорогаго предмета въ мірѣ и извѣстныя непечатныя фразы, только особой мѣстной конструкціи, срываются съ языка всего населенія, отъ дряхлыхъ стариковъ до ребенка, едва начавшаго лепетать. И, наконецъ, самыя непристойныя ругательства до такой степени сдѣлались въ краю обыкновенны и употребительны при каждомъ случаѣ, можно сказать, при каждомъ движеніи, что, если молдаванинъ хочетъ уже рѣшительно обругать когонибудь, онъ говоритъ отрывисто: »ты чортъ! ты подлець!« что, повидимому, возбуждаетъ въ противникѣ больше злости и негодованія, нежели самая тяжелая фраза, обыкновенно обращаемая къ родительницѣ у другихъ восточныхъ народовъ, а у молдаванъ не только къ ней, но и ко всему дорогому и священному для человѣка. Безспорно, что ни на одномъ языкѣ нѣтъ такихъ ругательствъ, какъ на молдав-

скомъ, и если имъ можно придать прилагательное безнравственный, т. е. если это не покажется дикимъ, то ничего нельзя себѣ представить безнравственнѣе молдавскихъ ругательствъ, превышающихъ всякое понятіе нашихъ специалистовъ о фразяхъ этого рода. Разумѣется, основной, дѣйствующій глаголъ въ этихъ ругательствахъ тотъ же, что и на русскомъ и татарскомъ языкахъ, но приложенія его такъ чудовищны, что передъ ними станетъ въ туникъ самое смѣлое воображеніе подгулявшаго ломоваго извозчика, а воображеніе послѣдняго, какъ извѣстно, весьма изобрѣтательно. Въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ у молдаванъ на улицѣ ли при встрѣчѣ, въ семействѣ ли, однимъ словомъ вездѣ, гдѣ сходится нѣсколько человѣкъ, извѣстные слова раздаются въ изобиліи, такъ что заразительный обычай этотъ перешелъ и на евреевъ, которые, говоря между собою на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, вдругъ начинаютъ ругаться по молдавски. Сперва эти отвратительныя грязныя фразы производятъ на свѣжаго человѣка тяжелое впечатлѣніе, но послѣ къ нимъ привыкаешь, и иной разъ и не можешь не улыбнуться, если отецъ, напримѣръ, бранить молоденькую дочь и, увлекшись, пустить изреченіе, смыслъ котораго до того безобразенъ, что превосходить всякое вѣроятіе.

Молдаванки отличаются своею миловидностью, прекрасными глазами и привѣтливостью. Въ рѣдкой деревнѣ вы не увидите одной—двухъ красавицъ; хорошенькихъ множество, такъ что почти можно сказать утвердительно, что между молодыми дѣвушками и женщинами трудно встрѣтить некрасивое лицо, какія попадаются сплошь и рядомъ у прочихъ племенъ. Не взирая на природную смуглость, лицо и шея у молдаванокъ бѣлыя и нѣжныя, потому что онѣ предохраняютъ ихъ отъ загара и вообще отъ всѣхъ атмосферныхъ вліяній бѣлымъ платкомъ, которымъ покрывается каждая молдаванка при выходѣ изъ дому. Кромѣ красивой наружности въ чертахъ каждой, особенно молодой, молдаванки разлита необыкновенная пріятность, а въ глазахъ такая привѣтливость, что самый застѣнчивый человѣкъ не побоится завести съ нею разговоръ. Мнѣ кажется, я не погрѣшу сказавъ, что молдаванки не слѣдуютъ примѣру прочихъ сельскихъ жительницъ относительно строгости нравовъ, и, хоть это, конечно, правило не безъ исключенія, однако подобный выводъ легко сдѣлать тому, кто проживетъ въ краю нѣсколько мѣсяцевъ. Я прежде много слышалъ объ этомъ отъ военныхъ, квартировавшихъ въ

Бессарабиі, но, когда началъ самъ проживать въ молдавскихъ деревняхъ и обратилъ на данный предметъ вниманіе — для меня рассказы армейцевъ не казались уже преувеличенными. На нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣло доходитъ даже до того, что, не говоря мужья на поведеніе женъ, но женухи на поведеніе невѣсть смотрятъ сквозь пальцы, особенно если здѣсь замѣшался какой бы то ни было интересъ и нѣтъ сильной любви, которая, конечно, не допускаетъ подобныхъ воззрѣній. Стоитъ только въ деревнѣ, гдѣ квартируетъ войско, поразговориться съ бойкимъ солдатикомъ — онъ расскажетъ любопытному очень много фактовъ, по которымъ можно судить — ошибочно или опрометчиво было мое мнѣніе о строгости нравовъ, и, наконецъ, любопытный самъ, если только въ немъ есть способность къ наблюдательности, увидитъ не одну весьма незамысловатую интригу. Впрочемъ, не думайте, чтобы всѣ грѣшки не прикрывались завѣсой приличія, напротивъ ничья стыдливость не пострадаетъ на самой шумной сходкѣ молдавской молодежи.

Обыкновенно въ праздникъ, часа въ три, въ четыре, возлѣ корчмы собирается все населеніе деревни, гдѣ бродячіе музыканты давно уже ожидаютъ случая пустить въ ходъ свои скрипки и цымбалы. Молодежь танцуетъ, а пожилые группируются вокругъ и распиваютъ водку и виноградное вино, предаваясь своимъ интересамъ или воспоминаніямъ. Молдавскій танецъ не отличается отмѣнною живостью и ограничивается большимъ кругомъ, въ которомъ всѣ берутся за руки и притопываютъ ногами въ тактъ при поступательномъ движеніи. Ни ловкости, ни удала здѣсь выказать нельзя, и парни и дѣвушки берутъ только природной граціей или богатствомъ костюма, который тоже довольно несложенъ. Мужчины носятъ кафтаны и полукафтаны, женщины преимущественно ситцевыя платья и походятъ на нашихъ горожанокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я съ удивленіемъ видѣлъ уже не народный молдавскій танецъ, а пародію вальса и польки, которые, неизвѣстно какъ, могли забраться въ среду деревенскаго простого люда. Одинъ только разъ въ селеніи Олонешты мнѣ удалось видѣть мѣстнаго танцора, замѣчательнаго по стройности сложенія и по варіаціямъ самыхъ замысловатыхъ па; но, какъ въ послѣдствіи оказалось, танцоръ этотъ, ходившій по портамъ Чернаго и Азовскаго морей, выучился казачка и удивлялъ почтеннѣйшую публику. Онъ, впрочемъ, не могъ найти себѣ пары и носился одинъ, выдѣлывая такіа мудре-

ныя па, передъ которыми задумался бы и любой лезгинъ, отлично выплясывающій лезгинку. Помню, какъ, подсевъ къ одному старику, я началъ хвалить ловкаго танцора.

— Э, сказалъ онъ: — ломается и больше ничего. Развѣ такъ танцуютъ! посмотрѣли бы вы, когда мы были парнями.

— Да вѣдь я видѣлъ молдавскіе танцы отъ Могилева до Олонешты.

— И что-жь?

— Все топчутся на одномъ мѣстѣ и топаютъ ногами.

— Въ томъ и штука, чтобъ тонать да не сбиться какою когда ступить ногою. А то что же толку выбрасывать на воздухъ подошвы и носиться, какъ угорѣлому.

— А погляди, какъ смотреть женщины: онѣ, знать, довольны.

— Извѣстно довольны, потому что дуры.

Молодежь, впрочемъ, была другаго мнѣнія, пошла танцора водкой, и подъ конецъ нашлись уже ему подражатели, которые довольно недурно отплясывали въ присядку.

Обыкновенно парни и дѣвушки танцуютъ до изнеможения, такъ что инныя пары, послѣ получасовой пляски, рѣшительно не въ состояніи вздохнуть и лежатъ гдѣ нибудь подъ плетнемъ, собираясь съ силами на новые подвиги. Мнѣ казалось непонятнымъ — отчего тихій, монотонный танецъ можетъ подобнымъ образомъ дѣйствовать на молодой здоровый организмъ, но вопросъ разрѣшился весьма естественнымъ образомъ: подобное утомленіе происходитъ съ тѣми, которые танцуютъ нѣсколько танцевъ сряду, не отдыхая.

Во время этихъ веселыхъ сходокъ, на которыя собираются молодые парни верхами изъ другихъ деревень какъ похвастать лошадьми и сбруей, такъ и поухаживать за чужими дѣвушками — случалось мнѣ видѣть и драки, непринимавшія однако же характера свалки. Одна — другая затрещина, вмѣшательство родныхъ или товарищей — и ссоры оканчивались обычнымъ возліяніемъ. Вообще, сколько я замѣтилъ, молдаване характера миролюбиваго, и вслѣдствіе-то этой черты характера, вѣроятно давно подмѣченной, съ ними обходились не въ примѣръ хуже, нежели съ другими племенами на прочихъ мѣстностяхъ. Одинъ каларашъ (конный разсылный) земскаго суда можетъ по собственному произволу переколотить всю деревню и послѣ заставить побитыхъ же подносить ему водку. Въ одной деревнѣ, гдѣ я жилъ нѣсколько дней, познакомился я довольно коротко съ сосѣдомъ по квартирѣ,

почтеннымъ старикомъ-молдаваниномъ, который помнитъ еще турецкое владычество и рассказывалъ мнѣ разные эпизоды изъ минувшаго. Бывалъ онъ въ Яссахъ и въ Бухарестѣ, жилъ надъ Прутомъ по границѣ, и его бесѣды всегда мнѣ доставляли большое удовольствіе. Я приучилъ старика не церемониться со мною, такъ что, приходя ко мнѣ, онъ уже садился безъ приглашенія и закуривалъ свою трубочку. Наканунѣ моего отъѣзда хозяинъ мой сказалъ, что старикъ не можетъ прійти ко мнѣ, потому что боленъ и не подымается съ постели.

— Его вчера прибилъ каларашъ, прибавилъ онъ.

Я бросился къ старику и засталъ его въ печальномъ положеніи: лицо въ синякахъ, опухшее, и правая рука подвязана.

— Что съ тобою, дѣдушка? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Вчера каларашъ побилъ, отвѣтилъ онъ смиренно, безъ всякой жалобы и даже безъ обычной молдавану крѣпкой фразы.

— Какая же причина?

— А никакой! Развѣ вы не знаете, когда каларашъ приѣзжаетъ въ деревню одинъ, безъ начальства, такъ дѣлаетъ что хочетъ.

— Отчего же старшина не удержалъ его?

— Онъ и старшинѣ накостилялъ шею.

— Да какъ же ты ему попался?

— Видите ли, онъ оставлялъ у моего племянника свою лошадь, а самъ поѣхалъ дальше на царанской. Ну, какъ возвратился, ему и показалось, что конь его исхудалъ, что за нимъ не смотрѣли. Онъ хотѣлъ побить племянника, а племянникъ ходилъ въ другую деревню, вотъ не на комъ сорвать сердце — каларашъ и началъ бить жену его. Я вступился, а онъ исколотилъ меня да еще заставилъ купить око водки.

— Да вѣдь калараша не смѣютъ драться.

— У насъ смѣютъ. Куда пойдешь на него жаловаться! Онъ, пожалуй, наскочетъ на тебя начальству, и ты же послѣ будешь отвѣчать. Чортъ съ нимъ! Не я первый, не я послѣдній. Я еще дешево отдѣлался. А вотъ намедни одного нашего царанина избилъ каларашъ до полусмерти и взялъ еще цѣлковый.

Все это было проговорено тономъ самаго полного равнодушія.

Иногда до начальства доходятъ подобныя жалобы и нѣкоторые начальники взыскиваютъ съ каларашей, но иные остаются довольны и тѣшатся мыслию, что держать населеніе въ постоянномъ страхѣ.

Быть молдаванъ очень просто, но нельзя не замѣтить, что внутренность и даже наружность ихъ хаты отличается необыкновенною чистотою. Когда вы выѣзжаете изъ Велико-россіи на Украйну — васъ поражаетъ опрятность самой бѣдной малорусской хатки, но эта опрятность ни что въ сравненіи съ молдаванскою. Здѣсь она доведена до изящества, и, войдя въ жилище молдаванина, если только это въ первый разъ, вы не вѣрите, чтобы крестьянинъ, попадавшійся вамъ на дорогѣ въ простой сермягѣ, перепачканный въ смолѣ, могъ имѣть дома такую приличную обстановку. У стѣнъ хаты тянутся лавки, застланныя непременно коврами, столъ накрытъ скатертью, ковры висятъ на стѣнахъ, надъ постелью, на которой гора подушекъ въ вышитыхъ наволочкахъ, и цѣлая жердь увѣшана праздничнымъ платьемъ. У печки на всѣхъ выступахъ брошены коврики. Я не говорю уже о хатѣ достаточнаго крестьянина, въ которой онъ самъ не живетъ, а предназначаетъ для гостей — тамъ ничего не видно за коврами, стоитъ шкафъ съ посудой, висятъ лубочныя картинки и торчитъ пучекъ засушенныхъ цвѣтовъ — но и тамъ, гдѣ живетъ все семейство, нечистота не представляется вашему взору.

Много значитъ въ этомъ случаѣ, что молдаванки готовятъ пищу въ сѣняхъ, гдѣ устроены очаги, и потому въ хатѣ вы не увидите слѣдовъ страпни, которая больше всего грязнитъ крестьянское жилище. Притомъ же молдаванки съ дѣтства получаютъ, можно сказать, страсть къ чистотѣ и домашнему порядку. Я это замѣчалъ иногда по своимъ квартирамъ. Известно, что самая копотливая и тяжелая работа для хозяйки — мазать глиной свою избу снаружи; малороссіянки это дѣлаютъ раза два въ годъ подъ извѣстные праздники, но молдаванки, едва только запачкаются стѣны снаружи, тотчасъ спѣшатъ побѣлить ихъ, считая неприличнымъ выставять на показъ какую бы то ни было неопрятность. Внутри тѣмъ болѣе: здѣсь самая небольшая соринка не ускользнетъ отъ хозяйскихъ глазъ и тотчасъ же уничтожается самомалѣйшій безпорядокъ. Подъ конецъ моего пребыванія въ Бессарабіи я до того привыкъ уважать обычаи своихъ хозяекъ, что какъ бы иной разъ ни промокъ, ни усталъ, а не войдешь въ квартиру, пока не оставишь въ сѣняхъ грязной одежды и обуви.

При видѣ этой наружной щепетильной опрятности я обратилъ вниманіе и на то—въ какой долѣ входитъ она во все условія домашней жизни, и замѣтилъ, что дѣйствительно молдаване, особенно молдаванки, чистоплотнѣе извѣстныхъ мнѣ племенъ и въ своихъ обыденныхъ обыкновеніяхъ. Во первыхъ, онѣ моются довольно усердно, не носятъ затасканнаго, грязнаго бѣлья и только въ тяжелую страдную пору можно ихъ видѣть нѣсколько неопрятными, потому что нѣтъ физической возможности соблюдать чистоту въ это время. Но ни разу не случилось мнѣ видѣть, чтобы молдаванка, возвратясь съ работы, принималась нетолько за ѣду, но даже и за стряпню съ невымытыми руками, какъ это случается сплошь и рядомъ въ крестьянскомъ быту. Мужчины менѣе слѣдуютъ этому обыкновенію, особенно внѣ дома, но, придя въ избу, волею-неволею должны соблюдать опрятность, иначе имъ досталась бы порядочная нотація, что мнѣ самому случилось видѣть.

У зажиточныхъ крестьянъ, напримѣръ, у резешей (наши однодворцы), убранство въ избахъ то же, что и у прочихъ, но и ковры богаче, и утварь гораздо лучше, наконецъ обычаи смахиваютъ нѣкоторымъ образомъ на дворянскіе. У резеша не успѣешь войти въ домъ, какъ уже хозяйка хлопочетъ угостить васъ по молдавскому обычаю и предлагаетъ »дульчеца апа речи«, т. е. варенья съ водою, въ какое ни пріѣхали бы время, хотя бы утромъ. И въ высшемъ классѣ молдаванъ не выводится это обыкновеніе, къ которому, впрочемъ, скоро привыкаешь и не находишь его страннымъ, какъ кажется съ перваго раза. Но проѣзжему странно иногда слышать, когда его приглашаютъ, напримѣръ, *на стаканъ воды*, и онъ, не смѣя разспросить подробнѣе, невольно удивляется такому странному предложенію. Между тѣмъ у молдаванъ безъ варенья и воды невысказанно принято принимать гостя, но и у себя дома пробыть даже какихъ нибудь полчаса времени. Ложечка варенья и нѣсколько глотковъ воды составляютъ настоящую потребность, такъ что, еслибы хозяинъ при вашемъ входѣ не велѣлъ подать того и другаго, его сочли бы человекомъ, незнающимъ самаго простаго правила приличія. Резеша живутъ вообще правильно, и, хоть и на нихъ виднѣется отпечатокъ загнанности и забитости, свойственный нашимъ бессарабскимъ молдаванамъ, однако, все-таки между ними проскакиваетъ какой-то намекъ на самостоятельность. Мелкіе эти собственники, занимаясь сами земледѣліемъ и ско-

товодствомъ и бывъ менѣе другихъ подвергнуты чиновничей опеке, умѣютъ заботиться о своемъ благосостояніи, и нѣкоторые изъ нихъ могутъ вести и роскошный образъ жизни, разумѣется, относительно. Такъ, напримѣръ, иной имѣетъ серебряныя ложки и порядочную посуду, у другаго жена и дочери носятъ шелковыя платья, третій держитъ хорошихъ лошадей и щегольскую упряжь и очень у многихъ вертятся небольшіе капиталыцы. Этого сословія, впрочемъ, очень немного въ Бессарабіи, мало и государственныхъ крестьянъ, а все больше царане, бытъ которыхъ, какъ я уже говорилъ въ первыхъ главахъ, возбуждаетъ сожалѣніе.

По моему мнѣнію хуже всѣхъ живутъ царане монастырскіе, т. е. въ имѣніяхъ, принадлежащихъ заграничнымъ монастырямъ и которыхъ довольно много въ Бессарабіи. Цифра ежегоднаго дохода, вывозимаго звонкою монетою, весьма значительна, и доходы эти извлекаются нерѣдко съ отягощеніемъ народонаселенія. Обыкновенно управляютъ повѣренныя или арендаторы; но верховный надзоръ принадлежитъ монахамъ, которые посланы блюсти свои земныя выгоды, и какъ все это преимущественно греки, то они и дѣйствуютъ какъ приличествуютъ этому племени. Не входя здѣсь въ разсужденія о томъ, что горсть людей, обрекшихъ себя посту и молитвѣ, отказавшихся отъ всего мірскаго, тяготѣтъ надъ цѣлыми деревнями и извлекаетъ всевозможныя выгоды изъ тяжелаго труда земледѣльцевъ, мы замѣтимъ только, что порядочная часть Бессарабіи платитъ дань въ заграничныя монастырскія кружки. Ни болѣе, ни менѣе заграничныя монастыри владѣютъ въ Бессарабіи 282,961 десятиною земли на правахъ помѣщиковъ и, надо сказать правду, помѣщиковъ самыхъ стяжательныхъ и негуманныхъ. Еслибы еще эти имѣнія, состоящія изъ лучшихъ въ области земель, служили собственно для прокормленія и необходимаго содержанія общины — можно бы еще примириться съ мыслию, что тѣмъ или другимъ путемъ долженъ же существовать монастырь пожертвованіями государства, но есть заграничныя обители, имѣющія болѣе 50,000 десятинъ земли — и здѣсь уже дѣло идетъ о пріобрѣтеніи богатства. Для того, чтобы отшельникъ, обътомъ своимъ обязанный переносить во имя божіе труды и лишения, могъ ѣздить въ покойной коляскѣ, бѣдные царане, особенно въ неурожайные годы, должны лишать себя лишняго куска мамалыги и за недостатку какихъ нибудь двадцати копѣекъ подвергаться различнымъ наказаніямъ. Монастырскіе

паране уже и привыкли смотрѣть на своихъ господъ какъ на самыхъ неумолимыхъ, безчувственныхъ арендаторовъ. Надсмотрщики и ревизоры-монахи, прїѣзжающіе изъ-за границы, опираясь на покровительство, оказываемое имъ мѣстными властями, которыя въ Бессарабіи вообще покровительствуютъ помѣщикамъ, даже въ злоупотребленіяхъ, непохожи на тѣхъ суровыхъ отшельниковъ, какими должны быть люди подъ клобукомъ и рясой. Какъ-то я разговорился объ этомъ съ офицерами, довольно долго квартировавшими въ Бессарабіи, и они рассказали мнѣ нѣсколько фактовъ, которымъ даже трудно было повѣрить. Я, разумѣется, не изъявилъ сомнѣнія, но спросилъ — не съ греками ли это происходило и не принадлежали ли эти греки къ сословію знаменитыхъ фавариотовъ. Собесѣдники не умѣли мнѣ объяснить этого обстоятельства, но пожилой капитанъ, вдоль и поперекъ исколесившій Бессарабію, рассказалъ одно происшествіе, случившееся съ нимъ лично. Передаю этотъ рассказъ, по возможности, его словами.

»Возвращался я однажды изъ Кишинева въ роту. Было жарко, и я, каюсь, нетолько былъ не въ сюртукѣ, а въ парусинномъ пальто, но и фуражку уложилъ въ чемоданъ, а надѣлъ соломенную шляпу. Сижу себѣ франтомъ, мнѣ прохладно, и я былъ спокоенъ, что нигдѣ не попадусь на глаза начальству. Проѣзжая на молдавской повозкѣ парой по монастырскому лѣсу, встрѣтился я на узкой и глубокой дорогѣ съ экипажемъ, запряженнымъ хорошими лошадьми. Въ экипажѣ, прислонясь въ уголь, сидѣлъ тучный монахъ, смуглый и обросшій весь черными волосами. Мы встрѣтились въ такомъ мѣстѣ, гдѣ разѣхаться не представлялось никакой возможности, поворотить же назадъ было нельзя и оставалось только тому, кто проѣхалъ меньшее разстояніе тѣснины, выпрячь лошадей и оттащить экипажъ на просторное мѣсто. Монахъ только что въѣхалъ въ тѣснину, и коляску его оставалось откатить нѣсколько сажень, между тѣмъ какъ мнѣ пришлось бы совершить эту операцію сажень болѣе пятидесяти. Кажалось бы, такое обстоятельство не должно вызвать никакихъ неприяностей, тѣмъ болѣе, что извозчики при въѣздѣ въ подобныя мѣста имѣютъ привычку громко кричать для предостереженія встрѣчныхъ и мой дѣйствительно горланилъ всю глотку, такъ что монашескій кучеръ не могъ этого не слышать; однако вышло иначе. Монахъ и его кучеръ разразились градомъ самыхъ грубыхъ молдавскихъ ругательствъ.

Мой извозчикъ струсилъ и, соскочивши съ повозки, хотѣлъ было распрягать лошадей. Я удержалъ его. Монахъ погрозилъ мнѣ кулакомъ и грозно приказалъ распрягать лошадей. Привыкнувъ не возмущаться подобными выходками, я, сохраняя полное хладнокровіе, подошелъ къ монаху.

— Ты жидъ или резешь? спросилъ онъ меня по молдавски.

— Ни то, ни другое, отвѣтилъ я по русски.

— Да ты чиновникъ или дворянинъ?

— Для чего тебѣ знать мое званіе, а я только скажу, что мнѣ тащить повозку гораздо дальше, нежели твой экипажъ, и потому вели выпрячь своихъ лошадей.

Монахъ вспыхнулъ.

— Ты, кажется, вздумалъ учить меня: или не видишь, что я духовная особа.

— По костюму вижу, но по обращенію не признаю за монаха, который, надѣвая клобукъ, обрекаетъ себя на смиреніе.

— Да вы кто такой?

— Опять-таки вамъ до этого нѣтъ дѣла.

— Какъ нѣтъ дѣла! это наши имѣнія.

— Въ такомъ случаѣ — вотъ мой открытый листъ.

— Я не умѣю читать по русски.

— Очень жалѣю.

— Я не велю выпрягать своихъ лошадей.

— И я тоже.

— Да какъ вы смѣете?

— Грозный тонъ ни къ чему не поведетъ. Вамъ стоитъ отодвинуться нѣсколько сажень — и я могу проѣхать.

Монашескій кучеръ шепнулъ однако же своему барину, что я долженъ быть офицеръ, и тогда монахъ выскочилъ изъ экипажа, велѣлъ распрячь лошадей, и мы общими силами отодвинули его коляску, въ которой лежало много съѣстныхъ припасовъ. Когда повозка моя проѣхала мимо и я раскланялся съ монахомъ — послѣдній не отвѣтилъ даже на мой поклонъ, отвернулся и проворчалъ какое-то ругательство. Можно себѣ представить — каковъ долженъ быть подобный господинъ въ управленіи имѣніемъ».

Собственно же молдавское бѣлое духовенство и монахи тѣхъ монастырей, которые удавалось мнѣ видѣть, обходятся съ народомъ хорошо и не могутъ похвалиться особеннымъ благосостояніемъ. Не знаю я монастырей, лежащихъ въ «Кодрахъ» (огромные лѣса въ центральной Бессарабіи), но на берегу Днѣстра не замѣтилъ никакой пышности. Священники

же по большей части живутъ бѣдно, а церкви повсемѣстно въ незавидномъ положеніи. Вообще это менѣе нежели скромныя зданія: иконостасы ветхи, утварь самая простая, такъ что развѣ въ Грузіи можно найти такіе убогіе храмы.

Разживаются въ молдавскихъ деревняхъ собственно посесоры и евреи, какъ люди, эксплуатирующіе народъ всевозможными способами и находящіе поддержку въ потворствѣ, которымъ обезпечиваютъ ихъ многія власти, смотряція на свою обязанность съ практической точки зрѣнія. Арендаторы выжимаютъ, что называется, изъ царанъ сокъ вслѣдствіе произвольно присвоеннаго права, а евреи — пользуясь простодушіемъ добряковъ, всегда нуждающихся въ деньгахъ и постоянно опутываемыхъ стяжательными ростовщиками. При обзорѣ руснацкаго племени я говорилъ уже объ одномъ тягостномъ обычаѣ для царанъ, т. е. о десятой долѣ всѣхъ продуктовъ, отдаваемой въ пользу владѣльцевъ, или »о дыжмѣ«, какъ называютъ ее въ Бессарабіи. По моему это верхъ злоупотребленія и порядочнымъ помѣщикамъ слѣдовало бы принять мѣры къ искорененію крайне недобросовѣстнаго побора, неблагороднаго по принципу, а еще болѣе по примѣненію. Мало того, что царанинъ обязанъ отдать десятую долю всѣхъ продуктовъ, но, во первыхъ, эту долю выберетъ еще самъ владѣлецъ или его откупщикъ-еврей, выберетъ какъ самъ знаетъ и, во вторыхъ, пока не отобрана десятина, царанинъ не смѣетъ убирать хлѣбъ съ поля, какъ бы ни нуждался или ни терялъ самое удобное время. Если еврей заплатилъ за дыжму порядочныя деньги впередъ, а урожай не отвѣчаетъ ожиданіямъ и не приноситъ тѣхъ процентовъ, на какіе откупщикъ рассчитывалъ, послѣдній, конечно, не остается въ накладѣ и наверстаетъ свой ущербъ различными притѣсненіями, чему сплошь и рядомъ бывають примѣры. Царанинъ никогда не будетъ правъ, еслибы правота его была яснѣе солнца, въ силу того же обычая, какой и у насъ до 19 февраля 1861 года не допускалъ крѣпостному быть правымъ въ спорѣ съ помѣщикомъ. Еслибы дѣйствительно придирка со стороны владѣльца была вопіющая и жалоба царанина, несмотря ни на какія натяжки, требовала неоспоримаго удовлетворенія, то хоть послѣдній и оказался бы правымъ относительно собственности, однако его накажутъ какъ ослушника и даже бунтовщика, служащаго вреднымъ примѣромъ для прочихъ. Разумѣется, при подобной обстановкѣ царанинъ предпочитаетъ лишиться собственности, которая и не-

реходить въ карманъ арендатора или его откупщика, вѣрнаго и связаннаго общими интересами сателлита. Еврей и арендаторъ живутъ по возможности дружелюбно, и если при удобномъ случаѣ и стараются надуть другъ друга, то пробуютъ только свои силы и молча ведутъ оборонительную войну, принимая мѣры крайней осторожности. При обоюдныхъ потеряхъ они все-таки не остаются въ накладѣ, потому что небольшой ущербъ возмѣстятъ имъ бѣдные царане тѣмъ или другимъ способомъ.

Молдавскій напѣвъ не походитъ ни на какіе другіе напѣвы, слышанные мною; въ немъ нѣтъ поражающихъ ухо европейца азіатскихъ диссонансовъ, но неслышно и той гармоніи, какая господствуетъ во всѣхъ мелодіяхъ славянскаго міра. Содержаніе — я говорю о пѣсняхъ бессарабскихъ надъ Днѣстромъ — вертится на любви молодыхъ людей и не отличается поэтической законченностью, какъ, напр., въ пѣсняхъ малорусскихъ. Само собою, я не на столько понимаю по молдавски, чтобы судить о красотахъ поэзіи, но мнѣ буквально переводили множество пѣсень, и на этомъ-то основаніи я позволилъ себѣ сдѣлать подобное заключеніе. Можетъ быть мнѣ не удавалось слышать интересныхъ пѣсень, потому что нельзя же полагать, что и на извѣстной мѣстности я изслѣдовалъ весь запасъ народныхъ поэтическихъ произведеній, однако первой моей заботой по пріѣздѣ въ деревню было тщательно записать пѣсни, слышанныя какъ отъ взрослыхъ, такъ и отъ дѣтей, не пренебрегая ни шуточными, ни скандальными. Относительно голосовъ я не замѣтилъ ничего особеннаго, и хоть не могу сказать, чтобы не приходилось слышать порядочнаго тенора или сопрано, однако все это были голоса, постоянно встрѣчаемые на югѣ. И вообще молдаване какой-то не пѣвучій народъ: ѣдешь ли полемъ, гдѣ кипитъ работа, лѣсомъ, гдѣ раздаются топоры дровосѣковъ — рѣдко когда услышишь пѣсни, и только развѣ подгулявшій крестьянинъ мурлычетъ себѣ какую нибудь монотонную или разудалую мелодію, смотря по расположенію духа. А чтобы заставить запѣть извозчика, съ которымъ ѣдешь на обывательскихъ, то это стоитъ всегда порядочныхъ усилій.

Везъ меня одинъ парень изъ Телицы проселочнымъ трактомъ на Кишиневъ. Онъ говорилъ немного по русски, такъ что, смѣшавши оба языка, мы хорошо понимали другъ друга. Открытое и веселое лицо его не выражало обычной тупости, съ какой предстаетъ молдаванинъ передъ тѣмъ, кого считаетъ

выше себя, и я тотчасъ же началъ съ нимъ дружелюбно бесѣдовать. По его бойкимъ отвѣтамъ, иногда нелишненнымъ деревенскаго юмора, я заключилъ, что имѣлъ дѣло съ богатой натурой, изъ которой могъ извлечь порядочный запасъ интересныхъ свѣдѣній.

— Да ты изъ фрунташей (изъ богатыхъ), что ли? спросилъ я его.

— Гдѣ ужъ изъ фрунташей, я просто голякъ и служу у хозяина; почему вы думали, что я богатый?

— Потому что одежда у тебя такая порядочная.

— Чисто хожу, больше ничего; эта одежда праздничная, а въ будни надѣваю такую, что срамъ посмотришь.

— Ты такой молодецъ, что и въ дрянномъ кафтанѣ, я думаю, дѣвушки на тебя засматриваются?

Парень улыбнулся.

— Молодецъ-то я молодецъ, да за душой нѣтъ никогда ни копѣйки, а нынѣ дѣвушки этого не любятъ.

— Ну, не скромничай.

— Посматривать-то посматриваютъ, а толку мало. Вы думаете, что у насъ въ деревняхъ дѣвушки не разбираютъ — сколько у кого въ карманѣ.

— А если влюбится...

— Говорятъ старики, это прежде бывало.

— А теперь?

— Теперь онѣ умнѣе стали, да и нашъ братъ думаетъ иначе.

— Однако у тебя вѣрно есть подруга?

— Какъ не быть, да мы другъ другу не пара.

— Отчего?

— И я служу, и она служить — значить, немного у обоихъ.

— Однако вы же сошлись?

— Стало быть, сошлись.

— Такъ какъ же послѣ?

— А кто ее знаетъ! Мнѣ надо искать хозяйскую дочку, а ей хозяйскаго сына.

— А любовь?

— Забудемъ.

Здѣсь парень отпустилъ нѣсколько крѣпкихъ фразъ лошадамъ.

— И ты говоришь своей милой, что на ней не женишься?

— Она сама знаетъ. Жениться бы можно, пожалуй, да гдѣ жить-то?

Парень замолчалъ, и мнѣ уже не хотѣлось возобновлять этого разговора.

— Ты бы спѣлъ мнѣ что нибудь отъ скуки?

— А вы, должно быть, охотникъ до пѣсень.

— А ты почему знаешь?

— Какъ не знать, у насъ объ этомъ говорили и въ деревнѣ.

— Однако я у васъ немного поживился пѣснями.

— Да какъ-то совѣстно пѣть ни съ того, ни съ сего. Поешь когда хочется или когда нужно по обычаю, а такъ ни одна пѣсня не придетъ на память. И мы вѣдь поемъ по просту.

— Того-то мнѣ и надо. Видишь ли, я хочу записать побольше молдавскихъ пѣсень. Спой, пожалуйста!

— А какую же спѣть вамъ?

— Какую знаешь.

Парень ударилъ по лошадамъ и затанулъ довольно однообразную мелодію.

— Я эту пѣсню слышалъ.

— Ну, спою молодецкую.

Дѣйствительно вторая пѣсня оказалась уже черезчуръ молодецкая, въ которой не только содержаніе, но и каждое слово было уже черезчуръ.

— Это вы поете между собою? спросилъ я.

— Какъ случится.

— Нѣтъ, я хочу сказать, не поете при дѣвушкахъ?

— Почему не поемъ? развѣ наши дѣвушки дворянки, да и дворянка иной разъ отпускаетъ такія слова, что держись...

— А вѣдь это нехорошо.

— У насъ на это не смотрятъ.

— Я удивляюсь, какъ въ самомъ дѣлѣ сынъ при матери, отецъ при дочери ругаются непристойно.

— А что же кому дѣлается отъ этого?

— Какъ что дѣлается? да вѣдь стыдно же.

— Эхъ, странные вы какіе! да у насъ дѣти уже все знаютъ то, что и взрослые. Я самъ былъ не больше какъ по десятому году, а ругался какъ большой... Да вы послушайте иногда, какъ соберутся дѣти, что они толкуютъ промежь себя... Просто насмѣешься...

Я не нашелся, что возражать своему собесѣднику. Онъ простой своей фразой освѣтилъ мнѣ разомъ все то, что много лѣтъ казалось мнѣ неяснымъ, о чемъ не приходилось мнѣ

подумать серьезно. Деревенскія дѣти, неизбежные свидѣтели всего, что происходитъ въ избѣ, въ своемъ семействѣ, конечно, необходимо съ малолѣтства основательно знаютъ все то, что тщательно и долго скрывается отъ дѣтей другихъ сословій, и удивительно ли послѣ этого, если увидишь въ нихъ притупленнымъ чувство стыда или услышишь разговоръ, несвойственный дѣтскому возрасту. Ребенокъ вообще пытливъ и любопытенъ, и много ли нужно ему времени постигнуть значеніе всего, что совершается вокругъ, а при немъ въ избѣ совершается все — и рожденіе, и смерть и другія событія жизни человѣческой. Пострадаетъ ли отъ этого нравственность — вопросъ другой, потому что мы видимъ въ средѣ крестьянъ чрезвычайно нравственные личности, несмотря на низкую степень развитія, несмотря иногда на множество условій, способныхъ испортить самую лучшую душу. Крестьянинъ-ребенокъ съ малолѣтства смотритъ на жизнь какъ она есть, не предлагаетъ наивныхъ вопросовъ вродѣ того, гдѣ нашли братца или сестрицу — подѣ кустикомъ или въ птичьемъ гнѣздѣ, и называетъ всегда вещи ихъ собственными именами и, разумѣется, не покраснѣетъ при какомъ нибудь нескромномъ словѣ, отъ котораго вспыхнетъ благовоспитанный юноша вдвое его старше. Но это еще не значитъ, что онъ деморализованъ, если его семейство сохраняетъ правила чести, хоть и со своей точки зрѣнія. Мальчикъ или дѣвочка, какъ бы ни были они посвящены въ тайны жизни, какихъ бы ни произносили неприличныхъ словъ, не усвоятъ ни воровства, ни лжи, ни жестокости, если не будутъ видѣть въ семьѣ приложенія этихъ качествъ, а тѣмъ болѣе не сдѣлаются развратными, принимая это слово въ тѣсномъ и общеупотребительномъ его смыслѣ.

И какъ задашь себѣ вопросъ: когда-то нашъ простолюдинъ выйдетъ изъ этого рабски-дѣтскаго состоянія, когда онъ внесетъ въ свой бытъ болѣе смягченные нравы и болѣе человѣчные обычаи, когда онъ проникнется сознаниемъ гражданскаго долга? — на душѣ становится грустно, и какъ бы, кажется, былъ человекъ доволенъ, еслибы подсобные вопросы не лѣзли въ голову.

Школь въ Бессарабіи почти нѣтъ, да и врядъ ли онѣ могутъ быть при существующемъ порядкѣ вещей, при томъ взглядѣ на крестьянина, какъ смотрятъ на него мѣстные власти и помещики. Въ Одессѣ въ 1861 году была учреждена особая комиссія для пересмотра правилъ объ отношеніяхъ ца-

ранъ къ помѣщикамъ; но что сдѣлала эта коммиссія — неизвѣстно, а любопытно было бы знать — облегчилась ли участь бессарабскаго крестьянина и измѣнился ли нормальный контрактъ, который, повидимому, освобождалъ царанина отъ крѣпостной зависимости, а на дѣлѣ тяготѣлъ надъ нимъ хуже крѣпостнаго права. Передовымъ людямъ въ Бессарабіи слѣдуетъ поднять вопросъ о народномъ образованіи, которое одно только можетъ подвинуть впередъ наше общественное благо. Конечно, для этого мало одной доброй воли, необходимы также матеріальныя средства; но неужели область, которая могла назначить своему губернскому предводителю жалованія 10,000 рубл., откажется пожертвовать несобходимую сумму на устройство сельскихъ школъ, сдѣлавшихся насущною потребностью каждаго общества. Здѣсь, безъ сомнѣнія, неминуемо послѣдуетъ вопросъ: на какомъ же языкѣ учить въ бессарабскихъ школахъ? потому что у насъ административныя власти смотрятъ не весьма пріязненно на какую бы то ни было національность и требуютъ знаніе русскаго языка отъ мѣстныхъ жителей, къ какому бы ни принадлежали они племени. Но, мнѣ кажется, въ молдавскихъ школахъ и рѣчи не должно быть объ этомъ: молдаванинъ слушаетъ слово божіе на своемъ языкѣ, слѣдовательно и грамотѣ долженъ учиться на немъ же, а русскій языкъ, не дѣлая обязательнымъ, можно вводить только для желающихъ. Мнѣ кажется — ошибочно дѣлаютъ и то, что въ Бессарабію назначаютъ чиновниковъ, незнающихъ по молдавски, потому что можно ли вѣрить въ добросовѣстность подобнаго господина, который заключенія свои по дѣламъ всякаго рода основываетъ лишь на мнѣніи сельскаго и волостнаго начальствъ. Въ такомъ случаѣ для чего же существуетъ подобный господинъ и какую пользу приносить онъ и службѣ, и обществу? Жители Бессарабіи, за исключеніемъ Хотинскаго уѣзда, наполненнаго руснаками, вѣсколькихъ колоній и семидесяти тысячъ русскихъ, разбросанныхъ по области, — состоятъ изъ молдаванъ, которые рѣшительно не знаютъ по русски, а потому вводить въ школахъ изученіе грамотности на русскомъ языкѣ — значитъ испортить дѣло при самомъ началѣ, не достигнувъ ровно никакой цѣли. У насъ такъ называемые полицейскіе патріоты на мѣстностяхъ, населенныхъ иноязычнымъ племенемъ, обыкновенно пропагандируютъ русскій языкъ нагайками и зуботычинами, но это дѣлается даже и не съ вѣдома губернскаго начальства, а потому что заведено изстари такими же предшественниками-

патріотами. Сужденія такихъ чиновниковъ объ этомъ порой бываютъ возмутительны, и, конечно, послѣднихъ надо вовсе устранить отъ какого бы то ни было участія не только въ устройствѣ школъ, но и отъ посредства между школами и народомъ, иначе они будутъ загонять туда крестьянскихъ дѣтей палками для показанія начальству своей дѣятельности. Каждый изъ русскихъ чиновниковъ умѣетъ отлично ругаться по молдавски, но этимъ и ограничивается знаніе большей части изъ нихъ мѣстнаго языка, развѣ уже который долго служитъ въ Бессарабіи. Я говорилъ со многими объ устройствѣ школъ, и мнѣ всегда отвѣчали самымъ наивнымъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Вотъ захотѣли еще, сказалъ мнѣ одинъ плотный чиновникъ, составившій себѣ »отъ трудовъ« изрядный капиталецъ: — молдаване и такъ порядочные мошенники, а тутъ еще дать имъ въ руки грамоту.

— Но къ этому стремятся благомыслящіе люди во всѣхъ губерніяхъ, замѣтилъ я.

— Только не у насъ, въ Бессарабіи. Къ чему это? Посмотримъ еще — какъ скажется грамотность въ другихъ мѣстахъ. Вы не знаете Бессарабіи. Здѣсь и то нѣтъ отбоя отъ тяжбъ и жалобъ, а тогда хоть волкомъ вой.

— Сколько я замѣтилъ однако же, жалобы царанъ происходятъ вслѣдствіе притѣсненія поссесоровъ.

— Въ томъ-то и штука: царанинъ безграмотенъ, однако же соблюдаетъ свои интересы.

— А вы же какъ хотѣли бы, чтобъ онъ былъ равнодушенъ и къ своимъ интересамъ?

— А тогда, по вашему мнѣнію, каково было бы помещику? позвольте спросить.

— Но я не думаю, чтобы правительство не желало полноправія какъ той, такъ и другой стороны.

— Положимъ, законъ написанъ для всѣхъ одинаково; но вѣдь для чего же данъ и умъ человѣку, какъ не для того, чтобы пользоваться имъ въ запутанныхъ обстоятельствахъ. Разумѣется, порядочный человѣкъ не покроетъ убійства, не сдѣлаетъ явно изъ чернаго бѣлое... но, понимаете, нельзя же царанина поставить на одну доску съ дворяниномъ...

— Но мы удалились отъ предмета разговора; я все не понимаю — какъ можетъ быть вредна грамота.

— А, Боже мой, какъ вы судите въ столицѣ неправильно о народѣ! Да грамотный мужикъ первый мошенникъ, хоть бы и въ Россіи.

— То есть тѣмъ мошенникъ, что знаетъ больше другаго свои права...

— А хоть бы и поэтому? Развѣ крестьянину, да еще господскому, слѣдуетъ знать разныя законоположенія? Попробуйте-ка просвѣтить ихъ, тогда не только окружной или земскій начальникъ, а съ ними и самъ губернаторъ ничего не подѣлаетъ.

— А мнѣ кажется, если требованія окружнаго и земскаго начальниковъ и самого губернатора будутъ законны, крестьянинъ никогда не ослушается...

— Да позвольте же васъ спросить — развѣ всѣ требованія могутъ быть законны?

— По крайней мѣрѣ должны быть.

— Вотъ и видно, что вы не служите. Нѣтъ, если начальникъ прикрикнетъ: »я такъ хочу«, да еще топнетъ ногою — такъ согнешься невольно и послѣ самъ будешь гнуть другихъ въ дугу, по пословицѣ: »своя рубашка ближе«. У насъ уже проскакивали мнѣнія о школахъ, правду сказать, но мы стараемся обратить это въ шутку...

— Вѣдь это грѣхъ.

— Помилуйте, еслибъ еще затѣвало начальство или помѣщики, а то среди самого мужичья начали было пробиваться толки.

— И что же?

Чиновникъ засмѣялся.

— А что? Да развѣ мы какіе лютые звѣри: станемъ желать худа отечеству.

Я счелъ нужнымъ прекратить разговоръ съ подобной личностью и впослѣдствіи не разъ еще выслушивалъ такія разсужденія. Зато въ каждой деревнѣ наводилъ я крестьянъ на мысль заводить школы и заботиться о дѣтяхъ и, надо сказать правду, немного встрѣтилъ сочувствія. Всѣ они сознаютъ пользу грамотности, однако боятся, во первыхъ, новыхъ денежныхъ поборовъ, утраты на нѣкоторое время лишняго работника и подчиненія еще одной власти, потому что учителя не могутъ представить себѣ иначе, какъ въ образѣ чиновника. Я намекалъ, что дѣтей могутъ учить священники, старался пропагандировать мысль о заведеніи школъ, однако не нападалъ ни на одно селеніе, гдѣ крестьянинъ подумывалъ бы объ этомъ, какъ говорилъ мнѣ толстый чиновникъ.

Говоря вообще о характерѣ молдаванъ, я не могу согласиться съ нѣкоторыми, утверждающими, что это племя лѣниво и апатично. Я этого не замѣтилъ. Трудятся они безъ уста-

ли, потому что, какъ напримѣръ, царане, отягощенные господской работой, успѣваютъ же и въ полѣ, и въ виноградникахъ, и на табачныхъ плантаціяхъ; касательно же апатіи, я уже сказалъ при началѣ, что въ народѣ этомъ замѣтны забитость и загнанность. Въ нихъ нѣтъ энергіи въ настоящее время, но это не служитъ доказательствомъ, чтобы она была невозможна въ молдаванинѣ, при ближайшемъ и внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ условій администраціи.

Мнѣ остается сказать еще о многихъ обычаяхъ—о свадьбахъ, похоронахъ и т. п., но я это предоставляю себѣ отложить подальше и расскажу гдѣ нибудь при случаѣ, описывая различныя селенія Бессарабіи.

Проѣзжая черезъ мѣстечко Атаки и проживая въ немъ, я замѣтилъ одно, что тамошніе молдаване, отъ непрерывныхъ сношеній съ руснаками и евреями, которыхъ такое множество какъ въ мѣстечкѣ, такъ и въ Могилевѣ — отличаются немного отъ своихъ соплеменниковъ, живущихъ по глухимъ деревнямъ, и болѣе или менѣе говорятъ по русски. Это, впрочемъ, не послужило мнѣ въ особенную пользу, потому что болѣе тѣсное знакомство съ этимъ племенемъ сдѣлалъ я гораздо позже, именно когда въѣхалъ уже въ область винограда. Объ Атакахъ могу только сказать, что торговля въ нихъ довольно оживленная; на базарахъ, несмотря на близость Могилева, всегда много народа, и вообще по мѣстечку замѣтно движеніе. Почтовые пути здѣсь хоть не важные, однако все-таки перекрещиваются дорога изъ Сорокъ въ Хотинъ съ дорогою изъ Брацлава на Новоселицу, т. е. за границу; при разлитіи Днѣстра, когда нѣтъ переправы, все же въ Атакахъ останавливается довольно проѣзжающихъ, и вслѣдствіе этого есть нѣсколько порядочныхъ постоянныхъ дворовъ, разумѣется, еврейскихъ, гдѣ невозможно постороннему умереть съ голода.

Черезъ Атаки же проходитъ и вся контрабанда, слѣдующая отъ Прута и изъ-за Днѣстра на Брацлавъ и другіе города Малороссіи и дальше. Собственно въ мѣстечкѣ я не замѣтилъ особыхъ сношеній съ контрабандистами, потому что здѣсь, во первыхъ, нѣтъ купцовъ, занимающихся этой торговлей, во вторыхъ, черезъ рѣчку лежитъ Могилевъ, гдѣ идутъ разсортировка и дальнѣйшая отправка различныхъ товаровъ. Только и видишь вечеромъ, какъ упакованныя фуры пробираются по улицѣ и поскорѣе спѣшатъ къ перевозу. Казалось бы, повидимому, здѣсь уже бояться нечего, и ме-

ня всегда занимало — отчего это нѣкоторые обозы проявляютъ такую лихорадочную дѣятельность на правомъ берегу и стремятся за нѣсколько десятковъ сажень на лѣвый, какъ бы за этой заповѣдной чертой должны окончиться всѣ безпокойства. Въ Атакахъ некогда мнѣ было разспрашивать, и я пошелъ въ Могилевъ за разъясненіемъ загадки. Тамъ у меня было много знакомыхъ въ разныхъ сословіяхъ и я очень скоро удовлетворилъ свое любопытство. Этимъ трактомъ идетъ преимущественно чай, который довольно громоздокъ и на самой границѣ требуетъ нѣкоторыхъ предосторожностей. Иногда партія чая не успѣетъ проникнуть черезъ Бессарабію — какъ лазутчики дадутъ знать мѣстнымъ властямъ, и поэтому чай преслѣдуется по всей области.

Вотъ почему въ Атакахъ, какъ пограничномъ съ Подольской губ. мѣстечкѣ, контрабанда можетъ еще быть конфискована и контрабандисты спѣшатъ поскорѣе избавиться отъ преслѣдованія. Но, надо сказать правду, случаи конфискаціи довольно рѣдки: за все время пребыванія въ Бессарабіи я видѣлъ только одну поимку, описанную въ предыдущихъ главахъ, а контрабанда провозится внутрь имперіи въ большомъ количествѣ черезъ Прутъ и черезъ Днѣстръ во всякое время года.

По чудному нагорному берегу ѣздилъ я изъ Атакъ въ монастырь, лежащій верстахъ въ пяти внизъ по Днѣстру, съ цѣлью порыться въ архивѣ и получить какія нибудь интересныя свѣдѣнія о старинѣ края или, наконецъ, о заселеніи этой мѣстности.

Настоятель принялъ меня очень вѣжливо, предложилъ варенья съ водою, повелъ по саду, но любознательность моя не увѣнчалась успѣхомъ. Я узналъ только, что монастырь этотъ былъ прежде раскольничій, что старинныя книги всѣ сложены гдѣ-то на хорахъ, что отецъ, завѣдующій ими, въ отлучкѣ и т. д. — что, впрочемъ, весьма естественно при подобнаго рода посѣщеніяхъ. Трудно сказать, чтобъ раскольничьи книги были здѣсь уже очень любопытны, потому что вся ихъ литература приходила и приходитъ сюда съ сѣвера, но кто знаетъ — въ кипахъ рукописей не найдутся ли какіе нибудь рѣдкіе экземпляры, могущіе бросить новый свѣтъ на обычаи той или другой секты. Конечно, нельзя винить настоятеля за недопущеніе cadaго въ книгохранилище: здѣсь, безъ сомнѣнія, дѣйствуетъ приказаніе свыше, но все мнѣ было очень грустно знать, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня лежатъ сотни старинныхъ рукописей, и не имѣтъ возможности взглянуть на

нихъ и посмотрѣть хоть нѣсколько фоліантовъ. Пишу это собственно для указанія нашимъ ученымъ, занимающимся исторіею раскола, — можетъ быть кто нибудь изъ нихъ посѣтитъ Бессарабію и, запасшись нужнымъ разрѣшеніемъ, будетъ имѣть возможность осмотрѣть памятники, скрываемые подъ спудомъ. Одинъ заграничный раскольникъ изъ Буковины, котораго встрѣтилъ я недалеко отъ Липканъ (пограничнаго мѣстечка надъ Прутомъ), рассказывалъ мнѣ, что по упраздненнымъ монастырямъ въ Бессарабіи много осталось книгъ, но что важнѣйшія были вывезены до катастрофы; однако, по словамъ его, должны быть и теперь еще рѣдкія рукописи, за которыя раскольники готовы бы заплатить порядочныя деньги. При этомъ, почесывая по русскому обычаю голову, онъ прибавилъ:

— Ужъ лучше бы книжки наши сгорѣли, чѣмъ быть имъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ.

— Да вѣдь у васъ онѣ всѣ имѣются, замѣтилъ я ему: — особенно за границей.

— Вѣстимо всѣ, а какъ подумаешь — сколько благочестивыхъ молилось по нимъ, жаль станеть, что находятся въ плѣненіи вавилонскомъ.

Я спрашивалъ настоятеля — заходятъ ли въ монастырь старообрядцы, но онъ отвѣчалъ мнѣ, что единовѣрцы бываютъ иногда, хоть очень рѣдко и то по старой памяти.

— Впрочемъ, замѣтилъ онъ: — всѣхъ не узнаешь, мало ли бываетъ въ церкви народа. Да и чего имъ приходить сюда? Книгъ мы имъ нетолько не дадимъ, но и не покажемъ.

Я повелъ было рѣчь о раскольникахъ, живущихъ недалеко, но настоятель отдѣлывался неопредѣленными и уклончивыми фразами, изъ которыхъ я заключилъ, что предметъ ему былъ не слишкомъ по сердцу. Я даже не могъ узнать о первоначальномъ построеніи монастыря и возвратился домой, не приобрѣтя ровно никакихъ свѣдѣній, но получивъ приглашеніе приѣхать когда нибудь къ обѣднѣ.

Монастырь на прекрасномъ мѣстѣ, зданія въ немъ порядочны, возлѣ келій чистота, садикъ воздѣланъ прекрасно, но рукописи, спрятанныя подъ спудомъ, не давали мнѣ покоя, такъ что я не могъ даже полюбоваться живописными видами.

Возвращался я въ Атаки на молдавской таратайкѣ; меня везъ бойкій мальчикъ, ругавшійся какъ истый молдаванинъ и, вѣрный обычаямъ своего племени, гнавшій лошадей во всю прыть, не обращая вниманія на утесы и овраги.

— Часто бываешь въ монастырѣ? спросилъ я его.
Онъ уставилъ на меня глаза. Я повторилъ вопросъ.

— А что я тамъ забылъ? отвѣтилъ онъ, выставляя бѣ-
лые широкіе зубы.

— Какъ? а помолиться Богу!

— Намъ и въ свою церковь рѣдко удается за работой, а
туда идти далеко. Я ни разу не былъ.

— Да какъ же ты знаешь дорогу?

— Иногда возимъ.

— Значить, былъ же?

— Возлѣ ограды.

Это подало мнѣ поводъ разузнать ближе: часто ли ходятъ
мѣстные жители въ монастырь на богомолье, но оказалось,
что не слишкомъ. Съ лѣвой стороны, изъ Подольской губерніи,
появляется довольно богомольцевъ, но молдаване посѣщаютъ
свои приходскія церкви, а если ходятъ по монастырямъ, то
отправляются въ »Кодры«. Я это дѣлалъ собственно для узна-
нія — имѣетъ ли монастырь какіе нибудь посторонніе доходы,
потому что богомольцы всегда носятъ дань, слѣдуя изстари
заведенному правилу — отдавать часто послѣдній грошъ за мо-
лебны или панихиды. Многіе заказываютъ поминовенія на-
долго и непременно въ монастыряхъ, вѣроятно предпочитая
послѣдніе приходскомъ церквамъ на томъ основаніи, что мо-
нахи, по уставу обязанны вести строгую и суровую жизнь,
и молиться должны усерднѣе. Эти богомольцы, которые часто
ходятъ по монастырямъ, питаюсь именемъ христовымъ, дѣй-
ствительно бѣдные; но и тѣ, собравъ скудный запасъ мѣд-
ныхъ монетъ, считаютъ обязанностью бросать ихъ въ раз-
личныя кружки. Для нашего простолюдина немислимо идти
молиться — и не заплатить денегъ, иначе ему кажется, что
молитва его негодна Богу. Давно признано и рѣшено, что
простонародье наше нуждается въ грамотности; противъ
этого даже не смѣютъ, по крайней мѣрѣ открыто, спорить
самые закоренѣлые чиновники и дантисты; о религіозномъ
же невѣжествѣ, кажется, если не ошибаюсь, еще у насъ не
говорили, а если и намекали, то обходя вопросъ далекими,
окольными путями. По уставу церкви требуется отъ каждаго
прихожанина знаніе извѣстныхъ молитвъ, но ни въ одномъ
уставѣ не показано способовъ, посредствомъ которыхъ про-
столюдинъ можетъ приобрѣсть это знаніе. И вотъ мать или
отецъ учить дѣтей молиться со словъ, нерѣдко передаваемыхъ
съ ошибками, — а то, что крестьянинъ заучилъ въ дѣтствѣ,

такъ и остается на всю жизнь, хотя бы въ заученномъ не было никакого смысла. Отъ безграмотнаго и требовать нельзя, чтобы онъ со словъ выучилъ такую вещь, какъ, напр., символъ вѣры или извѣстный псаломъ »Помилуй мя Боже«. Во первыхъ, молитвы составлены на языкѣ недоступномъ большинству, во вторыхъ, значительная часть выражений ему непонятна. Для религіознаго развитія народа необходимо употреблять живой языкъ и подобно тому, какъ переведено теперь евангеліе, перевести и все остальное. Съ распространеніемъ грамотности простолюдинъ хоть скольконибудь ознакомится съ основаніемъ христіанства, потому что теперь весь безграмотный народъ, несмотря на свое усердіе къ Богу, преданъ однимъ только наружнымъ обрядамъ, не зная самыхъ простыхъ евангельскихъ истинъ. Доказательствъ этому такъ много, что приводить ихъ будетъ излишнимъ. Посмотрите на человѣка, который не пропускаетъ ни одной обѣдни, бьетъ земные поклоны, постится по средамъ и пятницамъ, въ малѣйшій праздникъ ничего не работаетъ, а пропиваетъ заработокъ и въ домашней жизни ведетъ себя лютымъ звѣремъ. На допросѣ одинъ убійца сознался, что зарѣзалъ 19 душъ, но когда спросили его—соблюдаетъ ли онъ посты, онъ обидѣлся и сказалъ: »помилуйте! да развѣ же я не христіанинъ?« Мнѣ кажется, что обязанностью сельскихъ священниковъ было бы послѣ обѣдни говорить не проповѣди, наполненныя риторическими фигурами, недостигающія своей цѣли, а разъяснять народу простыя основанія религіи, которыхъ такъ немного и которыя были бы доступны неразвитому человѣку. Не лучше ли было бы втолковывать народу, чтобы онъ любилъ ближняго, любилъ врага, творилъ добро ненавидящимъ, дѣлился достаткомъ съ неимущимъ. Безъ этого не будутъ дѣйствительны заученныя со словъ молитвы на непонятномъ языкѣ и тщательное исполненіе всѣхъ наружныхъ обрядовъ.

Въ этомъ отношеніи и молдаване стоятъ на такой же низкой степени, какъ и наше простонародье, а если еще взглянуть поглубже въ бытъ деревенскаго населенія, вникнуть во взаимныя отношенія крестьянъ и большинства священниковъ, то не знаю, кто, положа руку на сердце, можетъ сказать, что въ дѣйствительности у насъ повсемѣстно исполняютъ заветы Спасителя.

Изъ Атакъ я отправился по тракту на Сороки, въ область табачнаго производства.